

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПОЛЯКИ В СИБИРИ В 1813-1814 гг.

Сибирь была традиционным местом ссылки пленных поляков начиная с 1770-х годов. Тогда же их стали зачислять на службу в войска¹. Эта практика применялась и 1812-1814 гг. История появления нормативных актов об отправке пленных поляков из состава Великой армии на окраины Российской империи - на Кавказ и в Сибирь, а также их возвращении на родину подробно изложена нами в совместных с В.А. Бессоновым статьях². Здесь же кратко укажу лишь на основные документы. 29 сентября 1812 г.³ главнокомандующий армиями светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов направил управляющему Военным министерством князю А.И. Горчакову письмо, в котором просил доложить императору ряд предложений относительно военнопленных. Кутузов предполагал, в частности, пленных поляков отсылать на Кавказскую линию, «где и можно было бы употребить их в полки на службу». В случае высочайшего соизволения, главнокомандующий армиями просил дать губернаторам из Петербурга соответствующее предписание об отправлении этих пленных⁴. 16 октября 1812 г. Горчаков сообщил Кутузову, что император утвердил его предложение, и просил, чтобы тот отдал приказ воинским начальникам о снабжении партий пленных особыми списками поляков⁵. 22 октября 1812 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге и управляющий Министерством полиции С.К. Вязмитинов на основании высочайшего повеления предписал начальникам областей и гражданским губернаторам направлять всех военнопленных поляков в г. Георгиевск, в распоряжение генерал-майора А. С. Портнягина, сообщая об отправлении партий в Министерство полиции⁶. Следующий этап в законодательстве о пленных поляках был связан с решением Комитета финансов от 9 декабря 1812 г. В этот день Комитет представил императору свои соображения по сокращению казенных издержек на содержание пленных. В первом же пункте речь шла об отправлении пленных поляков для укомплектования полков на Кавказе и в Грузии «и даже на Сибирской линии». Так в законодательстве о пленных 1812 г. появилась Сибирь в качестве места отбывания плена польских солдат и офицеров из армии Наполеона. Таким способом предполагалось сократить число пленных, находящихся на содержании казны, и сохранить собственных рекрутов для пополнения армий, действующих против неприятеля. Журнал этот был высочайше утвержден 29 декабря 1812 г.⁷ Основой для решения Комитета финансов, по всей вероятности, послужило мнение министра финансов Д.А. Гурьева о содержании военнопленных, которое датировано в публикации П.И. Щукина декабрем 1812 г. и где среди мест отправления поляков фигурирует и Сибирская линия⁸. Основываясь на мнении Комитета финансов, утвержденном императором, Вязмитинов 14 января 1813 г. направил губернаторам соответствующее циркулярное предписание об отправке поляков в Сибирь и на Кавказ⁹. К этому времени однако всякое движение пленных по России было остановлено. Это решение было принято Комитетом министров в связи с распространением эпидемических заболеваний еще 17 декабря 1812 г. и доведено до сведения губернаторов циркуляром главнокомандующего в Санкт-Петербурге от 24 декабря. Вторично запрещение движения пленных было подтверждено предписанием от 28 января 1813 г.¹⁰ Вместе с тем Военное министерство, не поставленное первоначально в известность об остановке пленных, готовилось принять предназначенных на укомплектование войск поляков. 15 января 1813 г. Горчаков сообщил начальнику 29-й (с осени 1813 г. - 30-й) пехотной дивизии и командующему войсками на Сибирской линии генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу об отправлении поляков в Сибирь. Местом их назначения был Ишим¹¹. Первоначально планировалось направить туда пленных поляков из Виленской, Витебской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Псковской, Санкт-Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Казанской, Вятской и Пермской губерний. Из прочих (т. е. из центрально-черноземных и южных) губерний пленных следовало препровождать в Георгиевск¹². Однако определенная военным ведомством география распределения военнопленных поляков не была реализована на практике. Вязмитинов, увидевший, что Военное министерство в своих планах не принимает во внимание распоряжение об остановке пленных, сообщил 21 января о сложившейся ситуации Горчакову, осведомившись, «не будет ли угодно, чтобы отправление поляков было тоже остановлено»¹³. В ответ управляющий Военным министерством прекратил подготовку к принятию в свое ведомство поляков и сообщил 29 января об остановке военнопленных Глазенапу и Портнягину¹⁴. В путь польские пленные двинулись лишь весной.

Однако с распределением поляков по войскам в Сибири возникли некоторые трудности, которые усугублялись конфликтами в местной администрации. Назначенный сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестель попытался жесткими мерами не только уничтожить влияние на администрацию сибирского купечества и подчинить находившиеся под его влиянием гражданские власти, но и добиться, пользуясь неопределенностью законодательства, полного подчинения себе местных представителей других министерств, в первую очередь военного. С этим связан затяжной открытый конфликт с Глазенапом¹⁵. 29 августа 1813 г. живший в столице Пестель, направил Вязмитинову отношение, в котором излагались претензии гражданских властей к военным, связанные с пребыванием пленных поляков в Ишиме. Генерал-губернатор сообщал, что по причине скопившегося в городе большого числа пленников и конвойных нижних чинов тобольский гражданский губернатор Ф.А. фон Брин обратился к командиру 29-й пехотной дивизии Глазенапу, чтобы тот предписал плац-майору Шевнину как

можно быстрее отправить поляков из Ишима или разместить хотя бы часть их по соседним селениям. (Донесение это, как явствует из рапорта губернатора от 27 сентября, датировано еще 28 июля¹⁶.) Однако ситуация к тому времени была уже критическая, и местные власти, не дожидаясь реакции военных, взяли инициативу на себя. Вскоре после обращения к Глазенапу гражданский губернатор получил от исполняющего обязанности ишимского городничего уездного судьи А.М. Фишера и тамошнего земского исправника П.Г. Наливайко донесение о положении в Ишима. Согласно их данным, в городе было всего 208 обывательских домов, а пригодными для постоя, за исключением домов чиновников и священнослужителей, оставались только 170. Вместе с тем в городе к этому моменту уже находилось 230 поляков с обер-офицерами, а также один штаб-офицер, шесть обер-офицеров и 138 русских нижних чинов, осуществлявших функции конвойных. Кроме того, ожидалось еще две партии поляков общей численностью в 469 человек, места для которых уже не было. Фишер и Наливайко писали также, что пришедшие из Вятской губернии поляки «нередко производят с крестьянами по свойству их духа драки». Таким образом, в Ишима складывалась ситуация, угрожающая спокойствию города: поляков предвиделось в скором времени около 700 (в том числе 20 офицеров), а конвойных при них оставалось только около 170 человек вместе со штатной командой, «да и то неопытных и безнадёжных». Ввиду такой перспективы городские чиновники самостоятельно решили: вновь прибывающие партии размещать в ближайших от города селениях (о чем уведомили плац-майора Шевнина), учредить в городе ночные обходы и усилить уличные караулы, а также просить Шевнина об учреждении обходов и о назначении на случай пожара «или другой экстренности» сборного места для пленных и своей команды. Фишер особо донес гражданскому губернатору, что поляки из последней партии, прибывшей из Вятской губернии, «сверх производимых ими буйственных поступков, делают угрозы, что ежели кому из них воинскою командой стеснена будет свобода и будут братья они под караул, то и город от того понесет вред, ибо их поляков против воинской команды и самих жителей будет превосходство». Все эти обстоятельства гражданский губернатор также изложил Глазенапу, требуя дать соответствующие предписания Шевнину, и вместе с тем сам в целях экономии времени обратился к нему. Губернатор просил плац-майора ускорить отправку пленных в полки и батальоны, размещать их по предложениям гражданских чиновников в окружающих город селениях, «ускромнить» буйных пленных, выявив тех, «кто наиболее отважились на дерзостные поступки и угрозы», поступив с ними по закону, и, наконец, в целом усилить за пленными надзор. Со своей стороны, губернатор дал предписание Фишеру и Наливайко всячески способствовать Шевнину в «сохранении тишины и порядка». Изложив все это Вязмитинову, Пестель сообщал ему о своей поддержке действий гражданских властей и просил предписать Глазенапу, «дабы за поведением поляков усугублено было наблюдение в предупреждение от сих людей вреда, к каковому они по своему расположению столь близки»¹⁷.

3 сентября 1813 г. Вязмитинов направил копию представления Пестеля от 29 августа Горчакову и просил его сделать немедленные предписания о распределении поляков по полкам и «об отвращении помянутых неустройств»¹⁸. В предписании Глазенапу, отданном на следующий день, 4 сентября, Горчаков выразил уверенность, что тот уже принял все нужные меры по отношению тобольского гражданского губернатора, рекомендовал ему всех поляков, ввиду их «наклонности к своевольству и неповиновению», по прибытии немедленно распределять в войска и установить за ними строгий контроль, чтобы «от них отнюдь никаких продерзостей не происходило». В заключение управляющий Военным министерством требовал от Глазенапа донесения с нарочным об уже принятых мерах¹⁹. Необходимость переписки через Петербург для обеспечения взаимодействия военных и гражданских властей в далекой Сибири демонстрирует неэффективность существовавшей на тот момент системы управления, особенно в экстренных условиях при динамично менявшейся ситуации. Да и само содержание предписания Горчакова свидетельствует об отсутствии возможности оперативного контроля за ситуацией и об известной доле самостоятельности, предоставленной в связи с этим Глазенапу, который должен был согласовывать свои действия в первую очередь с местными гражданскими властями, что оказывалось на практике весьма проблематичным.

О невозможности Петербурга оперативно контролировать ситуацию говорит и то, что версия событий со стороны военного начальства была изложена лишь в рапорте Глазенапа Горчакову за № 850 от 11 октября. Командующий войсками на Сибирской линии сообщал, что, находясь в Томске, он получил отношение тобольского губернатора с приложенными к нему рапортами городничего и земского исправника о стеснении жителей Ишима пленными поляками и о «буйственных поступках» последних одновременно с рапортом плац-майора Шевнина. Представитель военных властей совершенно опровергал всякие сведения о буйствах поляков. Впрочем, Глазенап на всякий случай 21 августа предписал Шевнину произвести при содействии гражданских чиновников строжайшее расследование, а также подтвердил «как о строгом за пленными смотре, так и о недопущении их до пьянства и шалостей»²⁰. Возвратившись из Томска в Омск, Глазенап направился оттуда в Ишим, где и находился с 12 по 16 сентября²¹. Как отмечал Г.И. Глазенап в уже цитированном рапорте от 11 октября, занимаясь распределением поляков по войскам, он «совершенно удостоверился в том, что поляки вели себя мирно и не создавали для жителей города никаких угроз. Даже городничий будто бы тоже подтвердил Глазенапу, что «поляки квартировали у него в городе спокойно». «Моральную же сию историю», по словам Глазенапа, Фишер и Наливайко «вывели» из одной лишь пьяной драки местного жителя с пленником, о которой

было известно лишь по слухам. Причина конфликта состояла в том, что ишимский житель насмешливо заметил поляку: «Моспан, Варшаву проспал» и получил в ответ: «Ты Москву проспал». Местные же власти вместо поиска виновного жителя, возложили ответственность «на всех вообще поляков» и обратились к губернскому начальству, которое «не изыскав прежде в том истину, затрудняет только как и прежде, напрасными своими приписками высшее начальство, ища к тому только случая, и через то притесняя всегда здесь воинскую часть, заставляет сносить и претерпевать беспрестанные огорчения и обиды». «И если не уймутся впредь таковые притязания, - предупреждал Глазенап Горчакова, - то решительно можно удостоверить вашего сиятельства, что деятельности здесь по службе иметь нельзя, а надо заниматься только с гражданским начальством бесплодными и бесполезными переписками». По словам Глазенапа, местные жители никаких претензий к полякам не предъявляли, а пленные не только квартировали в городе «весьма скромно», но и, будучи размещены по 15 окрестным селениям, «делали крестьянам в полевых работах важные пособия за плату». Концентрацию же в Ишиме пленных командующий войсками на Сибирской линии объяснял тем, что распределение поляков по полкам требовало его личного присутствия, в то время как он длительное время находился в отъезде, осматривая вверенные части. Прибыв же наконец в Ишим, Глазенап, по его словам, тут же отдал распоряжение, чтобы все вновь приходящие партии проводились мимо города по тракту на Омск, откуда он сам уже планировал распределять их по гарнизонам²².

Следует отметить, что в предыдущем своем рапорте от 19 сентября 1813 г., где речь и шла о распределении поляков по полкам, Глазенап ни словом не обмолвился ни о конфликте с гражданскими властями, ни о проблемах с распределением пленных на постой. Но само содержание рапорта свидетельствует о том, что Глазенап предполагал возможность неповиновения со стороны поляков. Согласно документу, Глазенап был информирован, что в Ишим недавно пришли 25 офицеров и 949 нижних чинов. По прибытии Григорий Иванович обратил внимание, что офицеры «имеют между собою тесную связь», и разослал их по одному в разные места под надзор воинских начальников. Были разделены во избежание «неприятных последствий» и нижние чины: 425 человек, ранее служивших в кавалерии, распределены в 10 линейных казачьих полков, а 498 пехотинцев причислены в полки и батальоны 30-й пехотной дивизии. Больные, раненые и пожилые пленники, не способные к службе - всего 20 человек - были определены в инвалидные команды. В результате в Ишиме осталось без распределения всего пять человек. Кроме того, еще один человек умер в городской больнице. Двое офицеров - адъютант барон Бем и подпоручик Бронк - изъявили желание вступить в вечное подданство России. Присягу на вечное подданство приняли и семь нижних чинов. Присягнувших на верность России могло быть, по мнению Глазенапа, и больше, однако «они поддерживались еще своими товарищами и их опасались». Но распределение их по разным местам службы, по мнению генерала, должно было ослабить эти корпоративные связи польских воинов Наполеона, и, как полагал он, «без всякого принуждения редкий из них не посвятит себя быть вечным подданным России». К достижению этой цели Глазенап обещал употребить «пристойные меры», постоянно «соглашая» пленников на присягу. Проблему представляли только 80 унтер-офицеров, большей частью из шляхтичей. Командующий не знал, следует ли им сохранить чины, и вплоть до разрешения вопроса Военным министерством причислил их временно в службу рядовыми²³. Впрочем, не мог окончательно решить вопрос и Горчаков, который 30 октября лишь одобрил решение Глазенапа в отношении этой категории пленных «вплоть до дальнейшего об их поведении усмотрения»²⁴.

Однако после отъезда из Ишима Глазенапа ситуация обострилась: среди поляков начались волнения. Этим событиям посвящен второй рапорт начальника 30-й дивизии Горчакову, датированный 11 октября 1813 г. (за № 852), в котором, как и в рапорте № 850, явственно прослеживается линия на сведение счетов с гражданским начальством. Дело в том, что, хотя распределение пленных по войскам Глазенап провел в течение нескольких дней, отправить их к местам службы сразу не удалось, поскольку у Шевнина не оказалось денег. «Ему гражданское начальство столь аккуратно их отпускало, - язвительно замечал генерал, - что я по прибытии в Ишим нашел у него сумм не более только 5 рублей и потому тот же час послал нарочного в Тобольск за деньгами к гражданскому губернатору». Оставив «весьма покойных» поляков дожидаться необходимых на их отправку средств, Глазенап 16 сентября покинул Ишим и отбыл в Омск. Однако 22 сентября он получил от плац-майора донесение: поляки «сделали бунт и отозвались, что они в службу не пойдут, а желают быть оставленными по своей воли». Оказалось, что уже упомянутые ишимские чиновники Фишер и Наливайко получили от тобольского гражданского губернатора предписание о правилах приема пленных в подданство, о привлечении их к работам на фабриках и распространили информацию об этом среди поляков. При этом, как подчеркнул Глазенап, хотя оба чиновника совершенно точно знали, что все пленные нижние чины по высочайшему повелению определены на службу, они тем не менее не запросили у губернатора дополнительных разъяснений. Более того, вместо помощи в усмирении поляков, «разглашениями их... взбунтовавшихся» Фишер и Наливайко взяли от пленного Яна Свидерского свидетельство о желании его, вступив в российское подданство, жить в Ишиме у некоего Арбузова, препроводили этот документ к Шевнину с требованием исполнить желание пленника. Для подавления волнений Глазенап отправил в Ишим казачьего ротмистра Набокова 1-го с отрядом в 350 человек. Ротмистр с казаками должны были «растолковать пленным обстоятельно» высочайшую волю и разослать их в назначенные места под конвоем, а если поляки не «похотят» подчиниться по доброй воле, то «принудить их к тому строгостью военных

правил». Совершив за четыре дня марш в 340 верст, казачий отряд прибыл в ночь на 27 сентября из Омска к Ишиму и расположился около города. Утром Шевнин собрал туда же из окрестных деревень всех пленных, «в коих не встретил он никакого дальнего неповиновения, тем паче сопротивления», и в тот же день поляки были отправлены к назначенным для них местам. Возражали лишь шесть человек, «в которых волновался еще дух свободы от военной службы, посеянный в них... Фишером и Наливайкою». Троице из них Набоков в пример прочим сделал «на месте оштрафование», а троих главных зачинщиков доставил 6 октября в Омск. Оценивая происшествие, Глазенап признавал его «крайне важным и вредным для службы и для общего благосостояния», причем полагал, что пленные менее виновны по сравнению с чиновниками, которые, воспользовавшись предписанием губернатора, якобы умышленно взбунтовали поляков, чтобы подтвердить высказанные в своих прежних донесениях выводы о настроениях пленных²⁵. Это обвинение, укладывающееся в логику противостояния военных и гражданских властей, вероятно, и объясняет появление первого рапорта от 11 октября (за № 850), который должен был в нужном свете представить управляющему Военным министерством всю предысторию вопроса и добавить убедительности его интерпретации ишимских событий.

В качестве дополнительных аргументов виновности Фишера и Наливайко в «разглашениях» Глазенап приводил показания польских же офицеров, согласно которым «неизвестные люди» объясняли нижним чинам, что генерал отправляет их в войска, не имея указа, по собственной воле, и что стоит им продержаться неделю, - и они обретут свободу от службы. Глазенап сообщал Горчакову, что он уже донес о поведении гражданских чиновников тобольскому губернатору и получил обещание о производстве «разыскания», но относительно того, «будут ли столь важнейшие обстоятельства приняты в соображение», генерал уверенности не испытывал. Упрекал начальник 30-й дивизии и самого фон Брина, который был, по его мнению, виновен в неосторожной выдаче предписания о «соглашении» пленных к принятию российского подданства с возможностью выбора себе занятия, без оговорки, что оно не распространяется на польских нижних чинов. Виной гражданских властей считал Глазенап и то, что они отказывались авансировать Шевнину деньги на отправку пленных, требуя (кстати, совершенно законно) сначала сведений о пунктах назначения и маршрутах движения. Не случись такой задержки, полагал командующий войсками на Сибирской линии, пленные были бы отправлены к местам службы, пока он находился в Ишиме, что, в свою очередь, гарантировало бы соблюдение порядка и отсутствие всяких происшествий. В заключение Глазенап просил Горчакова принять меры, «чтобы гражданские чиновники, поддерживаемые местным их начальством, не смели впредь нарушить должного порядка по делам службы, а также тишины и спокойствия, чтобы не вмешивались они в дела воинские и не делали бы противозаконных разглашений». «Впрочем, - предупреждал генерал, - если не будут ограничены гражданские чиновники в своих поступках и будут еще вредить в делах здешнему воинскому начальству, то без сомнения навлекут они тем еще большие неприятности и сделают совершенный вред в отношении благосостояния народа»²⁶.

Представили свою версию событий и гражданские власти. Еще 27 сентября о происшествии в Ишиме Вязмитинову донес фон Брин. Причем картина, которую он рисовал, весьма существенно отличалась от представленной военными. Согласно донесению, которое 22 сентября тобольский гражданский губернатор получил от Фишера, 20 сентября собранные для отправки пленные поляки заявили, что «в службу не пойдут и служить не намерены». Фишер, Наливайко и Шевнин совместными усилиями безуспешно пытались их уговорить. Не смог помочь даже и специально привлеченный пленный польский майор Монтрезон, которого нижние чины угрожали убить, и в итоге Шевнин просто решил разместить пленных обратно по квартирам. Губернатор запросил для предотвращения «бедственных последствий и тревоги для местных жителей» помощи у Глазенапа. Одновременно фон Брин предпринял ряд мер по усилению безопасности и со своей стороны. Он потребовал, чтобы исправник направил на помощь Шевнину всех имевшихся в округе башкирских казаков, предписал ишимскому и ялуторовскому земским судам приостановить двигавшихся на Ишим поляков в тех местах, где их застанет предписание, а также приказал земским судам губернии оказывать помощь партионным офицерам в препровождении пленных, выставляя в качестве дополнительного конвоя от одной станции до другой башкирскими казаками и крестьянами. 25 сентября к тобольскому губернатору прибыли два нарочных - от ишимского исправника и от Глазенапа. В рапорте исправника говорилось о дальнейшем развитии событий. По его словам, когда власти попытались пойти на попятную и, «не давая вида что замечено неповиновение» развести пленных обратно по деревням вокруг Ишима, около 100 человек отказались повиниться и остались в городе.

В итоге исправник был вынужден привлечь для надзора за ними башкирских казаков, препровождавших колодников, а их функции возложить на местных жителей. По селениям, где находились пленные, были учреждены «десяточные» караулы из жителей, населению секретно предписано спрятать оружие, косы и топоры, а знавший польский язык Наливайко разъезжал по местам квартирования поляков для «обозрения и узнавания секретным образом» об их намерениях. На случай же возможного «поползновения» пленных власти были готовы собрать нужное число вооруженных поселян. Разведывательная деятельность исправника была не напрасна. Выяснилось, что поляки, узнав каким-то образом о приближении своих соотечественников, идущих из Могилевской губернии, полагали, что теперь они «более успеха в намерении своем иметь будут». В итоге исправником было отдано предписание о приостановлении движения этой партии. В отношении же Глазенапа к

фон Брину содержались уже известные нам обвинения Фишера и Наливайко в провоцировании бунта. Однако оценивал он их действия лишь как «неосмотрительность» - об умысле в их действиях в этом документе нет и речи. Отметим также, что ни факт обращения гражданского губернатора, ни попытки гражданских чиновников участвовать в урегулировании конфликта в рапорте Глазенапа от 11 октября к Горчакову отражения не нашли. Оценивая, однако, отношение Глазенапа, фон Брин со своей стороны в донесении 27 сентября Вязмитинову усматривал «наклонность» начальника дивизии обвинять гражданских чиновников «более, нежели сколько справедливость требует». Вместе с тем он сообщил, что запросил отчета в действиях от Фишера и Наливайко, предписав им употребить все старания к сохранению порядка и оказывать всякое содействие Шевнину и Набокову. Одновременно фон Брин заверил управляющего Министерством полиции в том, что в своем предписании имел в виду лишь пленных, могущих прибыть впредь. Об этом же фон Брин написал и в ответе между 25 и 27 сентября начальнику 30-й дивизии. Губернатор просил Глазенапа усилить со стороны воинских властей надзор за пленными и направлять следующие партии пленных мимо Ишима в Омск или сразу распределять по полкам и батальонам, либо же собирать пленных в небольшом количестве в Ялutorовске или Кургане. Как видно, фон Брин пришел к мысли перенести сборный пункт пленных почти одновременно с Глазенапом. Начальник 30-й дивизии, как мы уже писали, согласно его рапорту от 11 октября, принял аналогичное решение, еще находясь в Ишиме, о чем гражданские власти в Тобольске могли не знать. В конце донесения фон Брин выражал сомнение, в том, что Фишер и Наливайко явились виновниками происшедшего и «допустили себя до объясненной неосмотрительности». Основную же причину волнений он видел в массовом скоплении пленников в одном месте, доводя при этом до сведения Вязмитинова о своих попытках, начиная с июля месяца, решить этот вопрос путем обращения к Глазенапу²⁷.

25 октября Вязмитинов направил рапорт фон Бриана Горчакову, просил его принять меры по разрешению ситуации и перенести, в частности, сборный пункт для пленных из Ишима в другой город²⁸. В ответ 29 октября Горчаков переслал в копиях управляющему Министерством полиции оба рапорта начальника 30-й дивизии от 11 октября и сообщил, что полностью одобряет принятые сибирскими военными властями меры, в том числе перенос сборного пункта пленных поляков из Ишима в Омск. Вместе с тем управляющий Военным министерством признал, что Глазенапу не следовало уезжать из Ишима до отправления в путь всех пленных²⁹. То же Горчаков написал 30 октября и самому Глазенапу, упрекая его в преждевременном отъезде³⁰. В своем ответе Горчакову от 3 ноября Вязмитинов сообщил, что также получил аналогичные рапорты Глазенапа. Усмотрев, что действия Фишера и Наливайко «возродили» в поляках «дух вольности и послушания», главнокомандующий в Петербурге потребовал от сибирского генерал-губернатора строжайшего расследования «и предания законному суждению виновных». Вместе с тем он обратил внимание, что в копии предписания тобольского гражданского губернатора ишимскому земскому суду, в котором передавалось содержание циркулярного предписания самого Вязмитинова от 19 августа 1813 г. о правилах принятия пленных в подданство, была допущена ошибка, которая, по всей видимости, и объясняет неверные действия ишимских чиновников. В документе, полученном ими, была выпущена важная оговорка о том, что пленные поляки должны по-прежнему направляться в Ишим и в Георгиевск в распоряжение генералов Глазенапа и Портнягина³¹.

Тем временем в дело вмешался И.Б. Пестель, который 31 октября направил отношение по поводу происшествия к Вязмитинову. Он сообщал, что предписал тобольскому губернатору произвести тщательное расследование ишимского происшествия, и если чиновники Фишер и Наливайко окажутся виновными, предать их суду. Потребовал Пестель объяснений по жалобам Глазенапа и от самого фон Бриана. Вместе с тем генерал-губернатор в связи с позицией командующего войсками на Сибирской линии выражал свое «прискорбие». «Генерал Глазенап, - отмечал Пестель, - описывая причины бунта поляков и представляя местное гражданское начальство мешающим якобы во всем военному в чертах оскорбительнейших, преступил тем самым всякую меру достойного приличия и умеренности в выражениях». Каждая строка его рапорта, по оценке Пестеля, свидетельствовала, что «изъяснениями его руководствовала одна личность, вышедшая из всех пределов». Обещая сделать «из сей бумаги пристойное употребление», Пестель переходил в свою очередь к обвинениям самого Глазенапа. Он обратил внимание на то, что если бы начальник 30-й дивизии в точности исполнял предписание Горчакова о распределении пленных по войскам по мере их поступления, то концентрации бы поляков в Ишиме не возникло, тем более что они всегда были известны своим буйством и демонстрировали «и прежде сего дух своевольтства». Никакой необходимости в личном присутствии в Ишиме Глазенапа, чем тот оправдывал затяжку, Пестель не видел. Отвергал он и обвинения гражданских властей в срыве финансирования пленных, видя за этим лишь попытку оправдать упущения Шевнина. По словам Пестеля, комиссия тобольского провиантского депо, отправив плац-майору первые деньги на пленных, просила от него впредь сообщать о необходимых суммах заранее, однако не получая в дальнейшем никаких сведений, отпускала средства «по примерному соображению». Когда же прибывший в Ишим Глазенап обнаружил, что денег на отправку пленных не хватает, и сообщил об этом гражданскому губернатору, тот предписал ассигновать из ишимского уездного казначейства 3000 руб. и приказал земским судам оказывать пленным нужное пособие «в снабжении со стороны поселян одеждою от одного места до другого»³².

4 ноября Пестель обратится и к Горчакову. Препровождая копию своего отношения к Вязмитинову, он подчеркнул, что обвинения Глазенапа «не во всем основательны» и подлежат тщательному разбору. Одновременно он жаловался на тон и характер выражений в рапорте командующего войсками в Сибири к Горчакову от 11 октября. «Обидные изъяснения и оскорбительнейшие отзывы на счет местного начальства превосходят всякую меру», - отмечал генерал-губернатор. Он полагал, что Глазенап несправедливо выставляет тобольского губернатора, имевшего многие награды, вредным для службы. «И так неужели сей (Глазенап. - *Б.М.*) после всего сего воображает, что он только один и исполнен рвения к общей пользе и что благосостояние сибирских жителей им одним токмо и назидается?» - задавался вопросом Пестель. «Подобным порицаниям ни в коем случае нельзя по службе давать места даже и между обыкновенными чинами», продолжает он, и «оныи всегда могут быть единственным корнем всякого вреда по оной, когда дерзость будет оставаться необузданною». Напоминая, что в своих отношениях от 18 февраля и 20 марта, он уже писал о «равномерных поступках» Глазенапа, Пестель настоятельно просит Горчакова воздержаться своего подчиненного «от сих чувствительных оскорблений»³³.

Таким образом, с конца октября до начала января нового, 1814 г., не получая никаких новых данных из Сибири, чиновники в Петербурге могли лишь выяснять отношения между собой и сличать прежние донесения сибирских военных и гражданских властей. Только 15 декабря Глазенап ответил на предписание Горчакова от 30 октября. Он оправдывал свой поспешный отъезд из Ишима множеством дел по военной и пограничной части, а также вновь повторил все прежние обвинения в адрес гражданского начальства. По словам командующего войсками на Сибирской линии, он никак не мог предположить, что чиновники «отважатся делать между пленными разврат и посеять в них неповиновение». Почтенный генерал уверенно утверждал, что бунт поляков произошел «от умышленности гражданского начальства», исключившего из предписания Вязмитинова важный пункт, хотя и колебался сделать окончательный вывод, кто именно из чиновников виновен в этом. Начальник дивизии считал, что единственным мотивом такого поступка была «неблагорасположенность к здешнему военному начальству, дабы оное повергнуть через то ответственности, а себя с мнимою тут деятельностью выставить на сцену». Саботаж он видел не только в неверной интерпретации нормативных актов, но и в задержках с финансированием транспортировки пленных. Жалуясь Горчакову, своему «печальнику», на «обиды и огорчения» от гражданских властей, Глазенап просил избавить его от интриг, чинимых губернской администрацией при поддержке Пестеля³⁴. Все это свидетельствует о высочайшем эмоциональном накале, который приобрели отношения между представителями различных ведомств в Сибири, готовых подозревать друг друга в самых невероятных замыслах.

Еще через два месяца, 14 февраля 1814 г., Глазенап направил пространное послание Вязмитинову, в котором сообщал о ходе расследования. Теперь уже он выражал твердую уверенность в том, что виновником искажения предписания был тобольский губернатор. Командующий войсками на Сибирской линии опирался при этом на аналогичный вывод, сделанный самим управляющим Министерством полиции в отношении Горчакову от 3 ноября 1813 г., копию которого тот переслал своему подчиненному. Видимо, восприняв это как поддержку со стороны Петербурга, Глазенап, исходивший из убеждения, что губернатор, являясь основным виновником «злу, происшедшему от поляков», предпринимает все, чтобы «затмить истину», соответствующим образом повел себя и в ходе следствия, предпринятого фон Брином по приказанию Вязмитинова. Поэтому он, очевидно, демонстративно назначил в следственную комиссию в качестве депутата от военных властей Шевнина, мотивировав это, впрочем, необходимостью экономии казенных средств на командировки. Губернатор соответствующим образом это воспринял и 5 января 1814 г. потребовал его отвода как лица, «прикосновенного к следствию в виде ответчика».

Глазенап, однако, в долгу не остался и заменил Шевнина на Набокова 1-го, также непосредственно участвовавшего в подавлении беспорядков. Фишер и Наливайко предприняли со своей стороны попытку добиться отвода и второго депутата от военных, аудитора Омского гарнизонного полка Петракова, на том основании, что он квартировал в Ишме в одном доме с Шевниным. Впрочем, губернатор не утвердил это ходатайство. Со своей стороны военные депутаты потребовали на время следствия отстранить Фишера и Наливайко от должностей, ссылаясь на то, что подчиненные чиновникам жители под их давлением будут давать на следствии ложные показания. Глазенап в своем отношении к фон Брину от 14 января поддержал это ходатайство, угрожая в противном случае признать следствие недействительным. Однако 2 февраля губернатор отказал генералу, ссылаясь на то, что жители будут давать показания под присягой, которую, впрочем, при желании могут нарушить и без всякого давления. Кроме того, по мнению губернатора, удаление двух ключевых чиновников привело бы к дезорганизации управления. В ответ Глазенап отозвал из комиссии военных депутатов, и следствие зашло в тупик. Сообщая все это Вязмитинову, командующий войсками на Сибирской линии настаивал на отстранении Фишера и Наливайко от должностей и заодно выдвигал обвинения против назначенного губернатором в следственную группу асессора уголовной палаты И.П. Гаряева, который был «замечен в компании с ответчиком Фишером» и ссыльным Арбузовым, приглашавшим, как говорилось выше, остаться на жительство у себя одного из пленных. Вот с этим Арбузовым, по сообщению Глазенапа, Гаряев играл в карты. Генерал обвинял Гаряева в затягивании дела и попытках включить в рамки расследования «малозначащие» обстоятельства, которые, кстати, свидетельствовали не в пользу военных виновников. Речь шла о том, что полякам в Ишме были прекращены

выдачи денег по 5 коп. в сутки (Глазенап полагал, что такие выплаты следовало производить только в пути, до поступления пленный в военное ведомство, заменив их затем на жалование рядовых), а также недодавали крупы (что генерал категорически отрицал вообще). Усилил Глазенап обвинения и в адрес Наливайко, который будто бы 20 сентября при отправлении поляков, «въехав в толпу их на дрожках, окружавшую его до 300 человек, подтверждал им, чтобы они крепились, не поддавались вразбивку идти на службу, ибо лучше быть в мешанах, крестьянах или купцах, а кто поступит в службу, тот не будет уже обращен восвояси».

В заключение своего отношения к управляющему Министерством полиции почтенный генерал заявлял, что, отказавшись участвовать в пристрастном следствии, он таким образом «защищает честь свою и долголетнюю пятидесятилетнюю беспорочную службу, которую всегда старается здешнее гражданское начальство помрачить разными своими ухищрениями». И наконец, Глазенап просил отстранить от следствия фон Брина и прислать для разбирательства специального чиновника, не имеющего отношения к сибирской администрации³⁵. В тот же день, 14 февраля, копию со своего отношения Вязмитинову Глазенап направил и Горчакову, подтвердив просьбу о назначении для расследования беспристрастного чиновника³⁶.

Конфликт между гражданскими и военными властями зашел настолько далеко, что в случае его продолжения или отстранения немногочисленных гражданских чиновников от должностей угрожал полной дезорганизацией управления, и, следовательно, его возможные последствия не соответствовали по масштабам происшествию, послужившему поводом к его обострению. Видимо, поэтому Вязмитинов принял решение замять дело и добиться примирения между сторонами. 11 марта 1814 г. он обратился к сибирскому генерал-губернатору. Из отношения Глазенапа, сообщал он, видно, что меры, принятые тобольским губернатором, «такого рода, что вселили раздор между воинским и гражданским начальством, порождают взаимные неудовольствия и клеветы и вместо пользы могут нанести только вред и самые неприятные последствия». Между тем, по мнению управляющего Министерством полиции, дело «никакой важности в себе не заключает», поскольку поляки были распределены по войскам и вели себя спокойно. В связи с этим Вязмитинов просил Пестеля издать предписание о прекращении следствия и по своему усмотрению сделать выговоры заслуживающим этого гражданским чиновникам. «Впрочем, - резюмировал он, - желательно, чтобы начальство военное и гражданское потщились взаимным снисхождением сохранить между собою то согласие, которое необходимо для поддержания порядка и благоустройства»³⁷. Направив в тот же день копию этого документа Глазенапу, Вязмитинов подтвердил ему свое решение о необходимости прекращения дела и поддержания согласия с гражданскими властями³⁸. Получивший от Вязмитинова аналогичный документ, Горчаков со своей стороны в предписании Глазенапу от 19 марта также поддержал позицию управляющего Министерством полиции³⁹.

Пока происходило все это разбирательство, пленные распределялись по полкам и батальонам. Еще 21 сентября 1813 г. Глазенап издал предписание, регламентирующее пребывание поляков на линии. Запрещалось оказывать пленным какое-либо «притеснение или пренебрежение», но вместе с тем за ними устанавливался строгий контроль - они также должны были вести себя «скромно и послушно». В службу поляки должны были назначаться только вместе со старыми русскими солдатами, чтобы были «под глазами». Более того, пока не будет полной уверенности в благонадежности пленный, их вообще запрещалось ставить к «интересным» постам. К принятию присяги на подданство России поляков принуждать не следовало, однако нужно было «пристойными мерами соглашать их к оной». Переписка пленникам запрещалась, и лишь в случае крайней необходимости «адресоваться» к кому-либо, они должны были подавать письма в открытом виде командирам⁴⁰. Предосторожности в отношении поляков были не лишними. Об этом говорит не только описанный конфликт или, например, тот факт, что еще в Ишиме одна партия в 250 человек собиралась «уйти к киргизам» лишь бы избежать русской службы. Вообще пронаполеоновские настроения были широко распространены, и надежды на торжество французского императора над Россией продолжали существовать⁴¹. Как явствует из отношения Глазенапа к Вязмитинову от 14 февраля 1814 г., даже к тому времени некоторые участники ишимского инцидента «не принимали амуницию, не хотели учиться экзерциции, и отзывались вовсе от военной службы, утверждая (кстати, совершенно справедливо. - *Б.М.*), что будто бы от нее в прочих государствах пленные свободны, и предпочитали притом воинской службе каторжную работу»⁴². Все это говорит о высоком уровне как национального, так и воинского самосознания польских пленный нижних чинов.

Осенью 1813 г. возникла проблема с подчиненностью пленный польских офицеров. По этому вопросу 25 октября Глазенап обратился с рапортом к Горчакову. Он сообщил, что до сих пор все пленный поляки, приводимые в Ишим, на основании предписаний Вязмитинова от 28 марта и 15 апреля поступали в распоряжение военных властей, причем офицеры по распоряжению управляющего Военным министерством от 26 июня также состояли военнопленными при 30-й дивизии. Глазенап напомнил, что 25 прибывших офицеров он распределил уже по одиночке по крепостям и редутам на линии в пределах Тобольской и Томской губерний, и они состоят под надзором воинских начальников частей. Два пленный офицера, как уже говорилось, изъявили желание вступить в российское подданство. Однако фон Брин сообщил Глазенапу, что согласно вновь поступившему предписанию Вязмитинова, офицеров следует передать в распоряжение гражданских властей, разместив по уездным городам. Впрочем, в целях экономии губернатор предлагал, исполнить распоряжение главнокомандующего в Петербурге

лишь частично: во избежание перемещения пленных оставить их на линии. Глазенап, не возражая в принципе против передачи польских офицеров в ведение гражданской администрации, выступал против способа исполнения этой меры. Свою позицию он обосновывал тем, что «кручаться за поступки и доброе поведение» поляков невозможно и что при изменении их подчиненности военные власти не смогут принять должных мер в случае проявления каких-либо «дерзостей». Производить же согласования в экстренных обстоятельствах с гражданскими властями невозможно, поскольку пленные расположены на расстоянии от 500 до 1400 верст от губернских центров. В связи с этим Глазенап просил или вовсе удалить офицеров с линии, освободив военных от ответственности за них, или оставить все без изменений⁴³. 13 декабря Горчаков направил выписку из рапорта Глазенапа к Вязмитинову с предложением выработать совместное решение⁴⁴. 17 декабря Вязмитинов ответил управляющему Военным министерством, что также получил отношение Глазенапа аналогичного содержания и уже ответил ему. Управляющий Министерством полиции решил не менять общего правила о подчиненности пленным и считал нужным оставить польских офицеров «расположенными как ныне находятся, предоставив попечение об них гражданскому начальству», т. е. поддержал позицию фон Бриана. По мнению Вязмитинова, это не должно было помешать осуществлению эффективного контроля за пленниками со стороны военных, чему управляющий Министерством полиции придавал особое значение. В конце отношения он своей рукой сделал приписку, в которой просил Горчакова «рекомендовать Глазенапу, чтобы за поведением помянутых польских пленников со стороны военного начальства употреблено было прилежное наблюдение»⁴⁵.

23 февраля 1814 г. А.А. Аракчеев сообщил главнокомандующему в Санкт-Петербурге высочайшую волю об освобождении поляков из плена⁴⁶. Вязмитинов внес этот вопрос на рассмотрение Комитета министров 17 марта 1814 г. Он предлагал возвратить немедленно по домам генералов, офицеров и нижних чинов, которые находятся в ведении Министерства полиции. Репатриацию производить на тех же основаниях, на каких освобождались пленные прочих союзников Наполеона. Кроме того, следовало предписать начальникам тех губерний, откуда происходят эти пленные, чтобы они наблюдали за поведением вернувшихся и обязали их подпиской не покидать без особого разрешения своих домов. Но поскольку, по данным Министерства полиции, около 7 тыс. поляков было направлено на комплектование войск на Кавказе и в Сибири, то Вязмитинов предлагал запросить от управляющего Военным министерством, могут ли эти пленные быть отпущены на родину безболезненно для войск, в которые они зачислены. И в случае невозможности немедленного их отпуска, выяснить сроки, в которые их могут заменить рекруты. При отправке поляков домой Вязмитинов предлагал оставить за ними выданную в полках одежду, поскольку другой они не имеют. Наконец, около 3 тыс. пленных, занятых на Кавказе укреплением берегов Терека, главнокомандующий в Санкт-Петербурге предлагал тотчас отпустить по согласованию с Горчаковым⁴⁷. Комитет министров решил привести высочайшую волю в исполнение только относительно пленных, подведомственных Министерству полиции. Принимая во внимание, что пленные, состоящие в ведении Военного министерства, находятся на действительной службе и их замена зависит от поступления пополнения и сопряжена со значительными расходами, Комитет министров посчитал возможным поляков «впредь до удобного времени оставить в теперешнем их положении» и испрашивал на это высочайшее соизволение⁴⁸. 6 апреля 1814 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге издал циркулярное предписание об освобождении поляков, находящихся в ведомстве Министерства полиции, и сообщил об этом, равно как и о решении Комитета министров, Аракчееву 10 апреля 1814 г.⁴⁹

В том же месяце, 25 апреля, министр юстиции получил именной указ, где сообщалось об освобождении из плена «всех чинов польских войск, как находящихся в России, так и взятых впоследствии» и предлагалось вернуть во владение освобождаемым из плена полякам конфискованные ранее имения. Возвратить имения следовало также и «чинам, возвращающимся ныне из Франции польских войск»⁵⁰! Горчакову же информация об этом указе была направлена из Сената только 25 мая 1814 г. (получена 30 мая)⁵¹.

Получив 28 апреля в Париже отношение Вязмитинова от 10 числа, Аракчеев 30 апреля сообщил ему последовавшее на решение Комитета министров высочайшее повеление. Пленные поляки, находящиеся на службе и при работах, должны были быть распущены по домам, а вместо них предписывалось немедленно отправить нужное количество рекрут. Вязмитинов вынес этот вопрос на заседание Комитета министров, предложив пленным, находящимся при работах, отправить по домам немедленно, пленным же распределенных в войска - лишь по мере того, как будут прибывать вместо них рекруты. Отправление военнопленных предполагалось производить на тех же основаниях, что и прежде. Комитет министров на своем заседании 26 мая 1814 г. утвердил эти предложения⁵².

Однако еще 13 мая 1814 г. Вязмитинов, получив через Аракчеева высочайшее повеление, направил предписание начальникам губерний, «чтобы все без изъятия пленные, в России находящиеся, каких бы они наций не были, отпущены были в отечество»⁵³. Об этом он сообщил в Комитет министров, который рассмотрел его соответствующую записку и принял ее к сведению только 30 мая 1814 г.⁵⁴

Получив 15 мая циркуляр от 13 мая, в Военном министерстве, по-видимому, не знали, как поступить с пленными поляками, находившимися в войсках. Сенатский указ от 25 апреля в министерстве получен еще не был, а предложения Вязмитинова по исполнению высочайшего повеления от 30 апреля, специально касавшегося поляков, еще не утвердил Комитет министров. Поэтому директор общей канцелярии Военного министерства С.А.

Бижич запросил у руководителя Особенной канцелярии Министерства полиции М.Я. Фока разъяснений и получил 19 мая ответ, что распоряжение об освобождении всех пленных не распространяется на тех поляков, которые поступили в службу или в ведение Военного департамента, а только на тех, которые по день повеления состояли в гражданском ведомстве⁵⁵. Следовательно, Военное министерство в своих действиях должно было ориентироваться на предписание Вязмитинова от 6 апреля и положенное в его основу решение Комитета министров. О высочайшем повелении от 30 апреля об отправлении по домам пленных поляков, находящихся в распоряжении военного ведомства, Вязмитинов сообщил Горчакову только 26 мая⁵⁶, т.е. в тот день, когда оно было представлено и Комитету министров. Горчаков же со своей стороны предписал Глазенапу рассылать по домам пленных поляков, находившихся на военной службе, только 31 мая⁵⁷. Получено же было это извещение адресатом лишь 26 июня⁵⁸.

К 30 июня 1814 г., т.е. к началу репатриации польских пленных нижних чинов, записанных в войска на Сибирской линии, общая их численность по данным Глазенапа, составила 2459 человек. Из них 15 человек значились убитыми «разными случаями». Следовательно, возвращению подлежали 2444 человека. Впрочем, Глазенап предполагал, что число «убитых» на самом деле несколько больше, поскольку некоторые умершие могли быть показаны в ведомостях как обычные рядовые⁵⁹.

Пока в Петербурге шли долгие согласования о порядке возвращении польских пленников на родину, в Сибири случилось два весьма неприятных для властей происшествия.

Одним из них был так называемый томский заговор. Как сообщал Глазенапу командующий Тобольским гарнизонным полком подполковник Кемпен (он находился с батальоном своего полка в Томске), в 5 часов утра 1 мая к батальонному адъютанту явился рядовой батальона Василий Текутьев и объявил «по изветам», сделанным ему накануне того дня вечером» отставным капитаном Лобачевским и неизвестным ему по имени поселенцем, что зачисленные в батальон пленные поляки из наполеоновской армии (их состояло на службе 93 человека⁶⁰) и «жительствоющие в городе разного рода поселенцы» готовят заговор «на произведение в городе бунта», в котором всего участвуют до 600 человек. Собрания заговорщиков будто бы происходят у ссыльного поляка Мартына Вонсовича. В ночь с 9 на 10 мая поляки планировали напасть на часовых, стоящих при ротных цейхгаузах, и, убив их, разграбить хранящиеся там ружья и порох, затем идти к тюремному острогу, освободить колодников, присоединить их к своей партии, напасть на гауптвахту, снять в городе все караулы и учредить свои. В своих действиях мятежники рассчитывали на помощь поляков, которые будут в ночь предприятия в карауле острога и гауптвахты, а также тех русских солдат, которые захотят к ним присоединиться. О дальнейших планах Текутьев ничего не знал⁶¹. Как позже выяснило следствие, дата выступления не была случайна: на 9 мая приходился день Николая Чудотворца, и заговорщики предполагали, что жители, особенно к вечеру, будут увлечены праздничными мероприятиями и утратят бдительность. Дальнейшие планы у поляков, как стало также известно следствию, были ширококомасштабные. Мятежники предполагали под руководством своего предводителя (его имя осталось невыясненным) захватить артиллерию и двигаться на Казань, а затем подать помощь Наполеону, который будто бы с четырьмя армиями планирует вступить в Россию⁶². Впрочем, на подробностях организации заговора мы останавливаться не будем, поскольку этому посвящена отдельная статья, основанная на материалах следственного дела⁶³.

Получив столь тревожную информацию, Кемпен вступил в контакт с томским гражданским губернатором Д.В. Илличевским и приказал взять письменные показания от Текутьева. Одновременно Лобачевский также отправил письменный донос губернатору⁶⁴. В отношении к Глазенапу от 15 мая Илличевский писал, что заговор был раскрыт мещанином из отставных Костовским⁶⁵, которого пытался привлечь к заговору Вонсович, - именно Костовский был информатором Лобачевского⁶⁶.

Впрочем, попытка военнопленных устроить бунт и освободиться из далекой Сибири казалась настолько невероятной, что томский гражданский губернатор, как видно из его отношения от 5 мая 1814 г. Кемпену, поначалу даже не придавал сообщениям об этом серьезного значения. Илличевский писал Кемпену, что, согласно полученным сведениям, пленные поляки, присланные в гарнизонный батальон в Томске, часто собирались в доме у Мартына Вонсовича, приписанного в томское мещанство с 1808 г., «и пересказывали о вторжении французов в Россию и в Москву и выдумывали, и прибавляли к тому многие небывалые происшествия, сплетни и многие нелепые басни, отчего будто даже они помышлять начали об освобождении из плена, хотя все это не имеет ни достоверности, ни основания». «По всем обстоятельствам и по всем примечаниям о Вонсовиче, - писал губернатор, - едва ли можно дать веру, чтобы могло быть какое предприятие на таковое покушение, ибо и в доме его при самом строгом обыске» ничего подозрительного не было найдено. Однако на всякий случай Илличевский предупредил командующего батальоном, чтобы он не делал «полного доверия» находящимся в его подчинении полякам. Особое внимание губернатор просил обратить на поведение Хлоповича, двух Барановских и Шульца, имена которых назвал на допросе арестованный и подвергшийся обыску Вонсович; других приходивших к нему он не помнил. Вместе с тем Илличевский предлагал Кемпену, допросив этих четверых пленных, узнать, не велось ли у Вонсовича каких-то разговоров об освобождении пленных и ссыльных из Сибири и не обсуждались ли на этот предмет планы. Копии допросов губернатор просил представить ему. Илличевский сообщил также, что

сделал надлежащие распоряжения «в рассуждении всех ссыльных, здесь проживающих», чтобы «и вовсе не допустить возникнуть и самонадеянным нелепостям, основанным на разврате, и пресечь даже неосновательные мысли и слухи». Одновременно губернатор предлагал Кемпену принять меры предосторожности и со своей стороны, в частности приказать, чтобы пленные поляки в батальоне «не могли иметь при себе ружей вечером и ночью», никуда не отлучались без надзора офицеров и унтер-офицеров, не собирались одни, особенно в ночное время, а «во всякое время находились совместно с ними и русские солдаты и высшие чины». Прося усилить наблюдение за поляками «единственно из предосторожности», Илличевский одобрил практиковавшееся и ранее Кемпеном размещение по квартирам поляков совместно с русскими солдатами. В заключение губернатор сообщал также о «примеченных» слухах, согласно которым поляки намерены «произвести в городе пожар, и воспользоваться сим несчастием». Всех, кто распространяет эти слухи, губернатор приказал «брать в полицию яко вредного разглашателя» и просил со своей стороны и Кемпена пресекать подобные разговоры, «дабы в народе не распространялись пустые страхи». «Все об оных пленных поляках заключаемое оказалось неверным и ложным, так как до сих пор никаких основательных, и никаких вовсе даже видов не замечено», - оценивал ситуацию глава гражданской администрации⁶⁷.

Однако на следующий день позиция губернатора претерпела некоторые изменения. 6 мая он сообщил Кемпену, что «для совершенного узнания, справедливо ли сделан извет или в сем деле сокрыт какой другой источник», возникла необходимость допросить многих людей и «учинить полное исследование». Следствие он поручал комиссии из нескольких чиновников. В нее были назначены главный при водворенных поселенцах смотритель надворный советник Потьмицын, исполняющий обязанности губернского уголовного дел стряпчего титулярный советник Михновский и томский городничий титулярный советник Тимашев. Просил губернатор Кемпена назначить к следствию и «депутата» от военных. В комиссию Илличевский направил допросы, взятые от изветчиков, Вонсовича, а также от других людей, выступавших как свидетели. Туда же губернатор просил Кемпена передать показания солдата Текутьева, а также четырех упомянутых выше подозреваемых из пленных⁶⁸.

По мере расследования тревога губернатора заметно нарастала. 12 мая, основываясь на сведениях, «открывшихся в сей день», Илличевский просил Кемпена взять под строгий караул и содержать порознь двух Барановских, двух Зелинских, Думинского, Шульца, Коноповича, «какого-то называвшегося барабанщиком, состоящего в числе рядовых по прозванию неизвестного, и унтер-офицера, роста низкого, толстенького, носившего по приходе в Томск красные брюки, но также по прозванию неизвестного. Кроме того, губернатор предлагал военным устроить у этих лиц совместно с городничим обыск среди книг и бумаг, поскольку Барановский взял у Вонсовича 1 мая утром тетрадку (раньше Барановскими Вонсовичу данную) для вписывания «сообщников, приглашаемых к производству возмущения, в которой и были уже начальными буквами обозначены некоторые имена»⁶⁹.

Наконец 14 мая Кемпен, осознав серьезность дела, решился сообщить о нем своему непосредственному начальнику генерал-лейтенанту Глазенапу. Долгое молчание он объяснил тем, что поначалу сообщения Лобачевского и Текутьева «не могли иметь и малейшего вида правдоподобия и казались быть единственною нелепостью и пустым разглашением развратных людей». Переслав генералу свою переписку с Илличевским, он сообщил, что все требования губернатора им выполнены: в следственную комиссию назначен батальонный адъютант поручик Волосников, смененный затем на подпоручика Федосеева, и принят комплекс мер по усилению надзора за служащими в батальоне поляками. Всем командирам было предписано усилить за поляками контроль, не допускать между ними «никаких сношений», а тем более толков. Был введен запрет на отлучку пленных с квартир без «особенного присмотра». Приказано принять такие же меры предосторожности и подполковнику Нараевскому, командовавшему батальоном Тобольского гарнизонного полка в Тобольске. В Томске Кемпен решил увеличить караулы, особенно в остроге и на гауптвахте, учредив даже новые посты. Ружья у всех поляков были отобраны и отныне могли выдаваться только на время учений. В каждой роте было приказано назначить дополнительно по 24 человека для несения пожарной охраны, предписав им ходить по ночам в дозор с ружьями и патронами. В рапорте Кемпен подтвердил, что всегда соблюдал практику расположения пленных на квартирах вместе со старыми и «порядочного поведения» рядовыми⁷⁰.

15 мая к Глазенапу обратился и Илличевский. Сообщив, что поляки организовали заговор и стремились привлечь к нему ссыльных для совместного освобождения из Сибири, губернатор добавил ряд подробностей. Инициаторами заговора, по его мнению, были военнопленные поляки, которые решились на это предприятие еще на пути в Сибирь. Вонсович же был избран ими для ведения пропаганды среди ссыльных. Выступление должно было произойти в Томске, а также в Омске и других крепостях, куда были направлены на службу польские пленные. Вонсович показал, что польский солдат Конопович имел из Омска письмо, писанное секретными чернилами, «о согласии сделать возмущение». В ходе бунта, помимо захвата ружей на квартирах батальонных солдат, занятия острога, цейхгауза и гауптвахты, предполагалось взять казначейство, арестовать чиновников, учредить свое начальство, пресечь пути сообщения и действовать затем по приказаниям своего начальника, «которого лице состоит еще в неизвестности». Как сообщал губернатор, который лично участвовал в допросах, все названные на следствии соучастники уже арестованы. Илличевский подчеркивал необходимость сотрудничества

военных и гражданских властей в расследовании заговора. Он изъявлял готовность участвовать в допросах пленных, просил Глазенапа принять меры против поляков «для пресечения злодейственного преднамерения» в Омске и других крепостях и, в частности, попытаться установить связи, существовавшие между томскими и омскими пленными, - в первую очередь, переписку. В заключение губернатор сообщал о принятых совместно с Кемпеном мерах к сохранению спокойствия в городе, а также спрашивал мнение командующего войсками на Сибирской линии о возможности ужесточения условий содержания пленных в Томске, поскольку «все они вообще подозреваются»⁷¹.

23 мая 1814 г. находившийся в Омске Глазенап, получив сведения от Илличевского и Кемпена, отправил рапорт управляющему Военным министерством Горчакову. Сообщив кратко о происшедшем, он отметил, что, по его мнению, причиной заговора являются «посеянные в тех пленных еще в городе Ишиме гражданскими чиновниками мысли о свободе от военной службы». Эта версия отражает противостояние военных и гражданских властей, о котором уже говорилось.

Командующий войсками поставил управляющего министерством в известность также о ряде своих распоряжений. Так, Глазенап предписал командующему омским гарнизонным полком подполковнику Безношкину и исполнявшему должность войскового старшины при Сибирском линейном казачьем войске лейб-гвардии Драгунского полка штабс-капитану Броневскому принять соответствующие меры предосторожности. Обещал он подтвердить необходимость исполнения соответствующих правил и всем прочим воинским начальникам. Список предписанных мер полностью совпадает с тем, что уже предпринял Кемпен. Таким образом, Глазенап лишь санкционировал действия своего подчиненного, расширив географически сферу их применения. Только в отношении Омской крепости была предпринята особая мера - возвращающихся из плена домой польских офицеров Глазенап приказал провозить мимо крепости «заречною стороною на большую трактовую дорогу», чтобы не допустить контактов с находящимися на службе соотечественниками (нижними чинами). В целом же он выражал надежду, что благодаря принятым предосторожностям бунта не произойдет⁷².

Почти одновременно с томским заговором произошел инцидент в Тобольске. 13 мая командующий расположенным здесь батальоном Тобольского гарнизонного полка подполковник Нараевский направил Глазенапу тревожное донесение. Накануне, 12 мая, 99 военнопленных поляков, служивших в батальоне, вышли из повиновения. Некоторые из них отказались идти в караул. Уговоры подполковника и офицеров оказались бесполезными и поляки «от послушания в службе не только отказались, но утвердили и впредь никогда не повиноваться», заявляя, что раз польские офицеры отпущены на родину, то и нижним чинам должна быть предоставлена свобода (речь шла об исполнении циркулярного предписания Вязмитинова от 6 апреля.) Во избежание дальнейшего развития беспорядков отказавшиеся повиноваться пленные были разосланы по приказу Нараевского по ротам под караул. В рапорте утверждалось, что причиной неповиновения начальству стало появление в городе незадолго до этого нескольких пленных офицеров, которые, «как неоднократно замечено было, сходясь с пленными нижними чинами в улицах и переулках, оных разговаривали, и коль скоро заметив кого из идущих к ним офицеров (русских. - *Б.М.*) тотчас разбежались прочь». До появления польских офицеров в городе пленные нижние чины «вели себя порядочно, из послушания отнюдь не выходили, употреблялись на службу без малейшего со стороны их сопротивления». Командующий батальоном доносил также, что он уже просил гражданского губернатора фон Брина удалить польских офицеров из города, и повторил свою просьбу вновь уже после произошедшего инцидента⁷³.

Намеченная в рапорте Нараевского тема конфликта военного и гражданского начальства отразилась и в рапорте Глазенапа Горчакову от 24 мая, отправленном из Омска. Начальник 30-й дивизии особо подчеркнул, что первоначальная устная просьба Нараевского губернатору об удалении пленных польских офицеров была оставлена гражданскими властями без внимания, хотя возможность вывести их в незанятые гарнизонами уездные города Тюмень, Ялуторовск, Курган, Тара и другие имелась. Именно это обстоятельство и способствовало волнениям, поскольку, получив известие о своем освобождении, офицеры имели возможность сообщить об этом нижним чинам, разясняя, что свободны и они. Глазенап не преминул отметить, что «происшествие сие подобно ишимскому бунту», также случившемуся от разглашения гражданскими чиновниками «вольности пленным полякам». Более того, командующий войсками на Сибирской линии писал, что само «забрание офицеров в губернский город в немалом количестве» и оставление их там вопреки мнению Нараевского были предприняты «не без намерения», тем самым намекая вышестоящему начальству на умышленную провокацию возмущения со стороны гражданских властей. Прекратить же контакты офицеров с нижним чинами местное военное начальство не могло, поскольку и те и другие были расставлены в городе по квартирам. Отметим здесь, что мнение польских офицеров было совершенно справедливо. Оно соответствовало и логике тогдашнего международного права и смыслу императорских повелений. Сообщив о получении рапорта Нараевского и отношения по тому же вопросу фон Брина, Глазенап отметил, что 17 мая, т. е. сразу, как только узнал о случившемся, он просил фон Брина, чтобы тот немедленно отправил в путь подлежащих освобождению офицеров, поскольку они «нелепыми и противными общественному благосостоянию внушениями» могли дурно повлиять и на прочих нижних чинов, не участвовавших в возмущении. Повторяя мотив рапорта Нараевского об офицерах как источнике волнений,

Глазенап отмечает, что «непослушание и неповиновение» среди нижних чинов стало возрождаться именно с их появлением, в то время как до этого 115 человек в Тобольске даже приняли присягу на верность службы императору. Глазенап проинформировал вместе с тем управляющего Военным министерством и о своем приказе командующему батальоном в Тобольске «всех оных бунтовщиков поляков, разделяя на четыре партии» отправить в Омск при большом вооруженном конвое 25 человек, составленном как из воинских чинов, так и из вооруженных местных крестьян, которые должны были провожать партию от селения до селения.

Осуждая гражданское начальство, Глазенап подчеркивал свои заслуги в деле обеспечения безопасности края в связи с появлением в нем пленных. Он отметил, что «легкомысленный нрав и дерзкое поведение» поляков ему издавна «коротко известны» и поэтому еще до привода в Омск 25 пленных офицеров и нижних чинов он предпринял соответствующие меры: запретил отставлять нижних чинов вместе с их офицерами, особенно там, где нижних чинов поступило на службу «в количестве немалом», самих нижних чинов разделил по разным местам, а офицеров «почти всех по одиночке разослал порознь». В итоге в Омске остались только трое офицеров - двое еще в Ишиме объявивших о желании вступить в российское подданство и один больной. Такая практика, по словам Глазенапа, себя полностью оправдала, поскольку польские нижние чины «никем не быв... развращаемы» были в Омске всегда «спокойны и послушны», а 1300 человек даже присягнули в разное время на подданство России. В завершение Глазенап предлагал «в пример прочим» разослать тобольских бунтовщиков по войскам Иркутской губернии. Поскольку пленные офицеры находились в ведении гражданских властей, о происшествии было донесено также и Вязмитинову⁷⁴.

14 июня Горчаков, получивший рапорты Глазенапа от 23 и 24 мая о событиях в Томске и Тобольске, направил отношение Вязмитинову, составленное в успокоительных тонах. Считая причинами волнений лишь нетерпеливость пленных, ждущих отправки на родину, управляющий Военным министерством полагал, что «все неблагонамеренная их видимо сами по себе уничтожаются», поскольку распоряжение об освобождении находящихся на службе поляков в соответствии с высочайшей волей уже дано военным и гражданским властям, в то время как «всякие их замыслы» своевременно пресечены Глазенапом. Вопрос же о том, куда отправить «явных бунтовщиков, суду подпавших», Горчаков предлагал решить самому Вязмитинову, поскольку поляки для отправления на родину передаются в гражданское ведомство⁷⁵.

Рапорт Глазенапа вызвал, однако, резко негативную реакцию И.Б. Пестеля, которого, очевидно, ознакомил с его текстом Горчаков.

29 июня сибирский генерал-губернатор в отношении к управляющему Военным министерством отверг все обвинения в адрес гражданского начальства, обрушившись в свою очередь с упреками в адрес командующего войсками на Сибирской линии. Он просил защитить фон Брига от нападков со стороны Глазенапа и «об удержании сего последнего в надлежащих пределах его звания». Глазенап, по его словам, «по обыкновению своему не упустил и при настоящем случае навлечь оскорбления тобольскому гражданскому губернатору такими на счет его замечаниями, кои показывают только личное его нерасположение к сему начальнику губернии и кои с порядком службы и званием того и другого лица нисколько несовместны». Пестель отверг основные тезисы рапорта Глазенапа - сравнение происшествия в Тобольске с событиями в Ишиме и определение в качестве главной причины волнений вредного влияния польских офицеров. «Сии пристрастные и оскорбительные для начальника губернии замечания, лица ему равного, кроме очевидной их неосновательности и несправедливости, - отмечал И.Б. Пестель, - опровергаются и тем уже, что неповиновение поляков произошло не от внушений польских офицеров, а единственно по их собственному расположению к тому, как то подтверждается изысканиями самого командира Тобольского гарнизонного батальона». Но в этих рассуждениях Пестеля, как видно, больше эмоций, чем аргументов: рапорт Нараевского говорит совершенно об обратном. Не меняет картины и утверждение Пестеля, со ссылкой на данные Глазенапа, что сами по себе польские офицеры вели себя «весьма добропорядочно», т. е. участия в волнениях не принимали. Вместе с тем генерал-губернатор привел и доводы, если не оправдывавшие, то объяснявшие действия гражданских властей. Размещение офицеров в губернском городе, а не в уездных (хотя часть офицеров находились и там) объяснялось исключительно удобством надзора за ними⁷⁶.

6 июля 1814 г. Глазенап доносил Горчакову о дальнейших событиях в связи с возмущением пленных в Сибири. Подавляющее большинство из 99 взбунтовавшихся в Тобольске и отправленных в Омск поляков «по принятым мною мерам, растолкованиям и внушениям высочайшей воли и повелений главного начальства, по которым должны они непременно быть на службе, - пишет Глазенап, - сделали в преступлении своем чистосердечное раскаяние, обязались служить впредь верно и послушно и просили даровать им в винах прощение». Все они были оставлены без наказания. Лишь 14 человек «по закоснелости, грубости, легкомыслию и своенравию решительно отозвались, что в России воинской службы исправлять и повиноваться решительно никому не будут». Эти непокорные в назидание другим были наказаны шпицрутенами - проведены сквозь строй в 1 000 человек по одному разу. Впрочем, и они, согласно общему повелению, изложенному в предписании Горчакова от 31 мая 1814 г. подлежали вместе с прочими отправке на родину⁷⁷.

За несколько дней до отправления рапорта Глазенапа о судьбе тобольских бунтовщиков Вязмитинов проинформировал Комитет министров о событиях в Томске, отправив на его заседание 30 июня 1814 г. особую

записку. Главнокомандующий в Петербурге сообщал, что о скорейшем освобождении поляков сделаны уже, в том числе и сибирским властям через генерал-губернатора, соответствующие предписания. Со своей стороны он лишь распорядился, чтобы местные власти при возвращении поляков предприняли «висящие меры осторожности», чтобы те «никаких шалостей оказать не могли». Комитет министров принял эту записку к сведению⁷⁸.

Действительно, к этому времени подготовка к репатриации пленных уже шла полным ходом. Предписание Горчакова об отправке, как уже говорилось, было получено Глазенапом 26 июня одновременно с отношением по тому же вопросу от тобольского гражданского губернатора фон Брина, который назначил сборным пунктом для поляков Тюмень и просил отсылать их туда под воинским конвоем за счет суммы военного ведомства. В связи с этим Глазенап отдал приказания полковым и батальонным командирам, а также казацкой канцелярии. Согласно им, поляков следовало препровождать до Тюмени конвойными командами в составе одного обер-офицера, одного унтер-офицера и 10 нижних чинов, сдавая там гражданским властям по спискам. Партии следовало снабжать деньгами на прогоны и путевое продовольствие, выплачивая положенные полякам «в награждение» 5 коп. в сутки на человека. При пленных следовало оставить всю имевшуюся у них одежду и обувь, снабдив их лишь рекрутскими мундирами и шинелями, а в случае их недостатка - солдатскими, причем такими, сроки которых уже истекли (эти меры по экономии обмундирования были предписаны Горчаковым⁷⁹). Вместе с тем, поскольку пленные, находившиеся в казачьих войсках, вещей от казны не получали, а довольствовались ими от казаков за счет получаемых от рыбной ловли денег, Глазенап приказал таким же образом за счет казаков снабдить их одеждой и при отправлении. Он также нашел повод и для того, чтобы в очередной раз предъявить претензии гражданскому начальству. По его мнению, Тюмень была «самым отдаленнейшим» местом, и закупка там сукна для пленных и его доставка в войска, как то предполагал фон Брин, привела бы к затягиванию отправления пленных до зимы. Критикуя гражданские власти, командующий войсками на Сибирской линии старался представить свои распоряжения по снабжению пленных одеждой в более выгодном свете. Глазенап также был не согласен с требованием губернатора оставить при поляках воинский конвой и при их дальнейшем препровождении из Тюмени. Проблемой казалось для командующего войсками и то, что некоторые поляки вступили в российское подданство, приняли присягу, женились и завели детей. Поэтому он предписал, если присягнувшие не захотят возвращаться домой, оставлять их на местах, «где пожелают, свободными», предполагая, в случае отказа столичного начальства санкционировать это решение, выслать их из Сибири в последних партиях. Обо всем этом Глазенап донес Горчакову 30 июня⁸⁰. В тот же день он направил отношение аналогичного содержания и Вязмитинову⁸¹.

29 июля Горчаков, на основании рапорта Глазенапа, направил Вязмитинову целый список претензий к гражданским властям Сибири: Тюмень была назначена сборным местом без согласования с военными; ввиду ее отдаленности от мест дислокации поляков Глазенап вынужден был расходовать на одежду пленных войсковые казачьи суммы, тогда как в случае недостатка солдатской одежды, сукно для ее пошива должно было предоставляться губернатором; конвоирование в Тюмень пленных, выдача им по 5 коп. и продовольствие должны осуществляться не за счет военного ведомства, а за счет специальной экстраординарной суммы; конвоирование пленных в губерниях должно быть по закону возложено на гражданских чиновников. Горчаков требовал дать оценку позиции тобольского губернатора и спрашивал мнение Вязмитинова о поляках, желающих остаться в России. Идя на некоторый компромисс, Горчаков предлагал, не изнуря конвойных команд, сопровождать с их помощью пленных только до Пермской и Оренбургской губернии, а далее передать их надзору гражданских чиновников при возможной помощи внутренней стражи⁸².

Однако еще 24 июля Вязмитинов направил Глазенапу отношение, в котором высказал свою позицию. Он одобрил все предпринятые военным начальством меры и сообщил свое мнение по основным спорным вопросам. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге, в частности, проинформировал о своем распоряжении, отданном сибирскому гражданскому начальству о выделении конвойных команд до Казани, просил вместе с тем Глазенапа, в случае отсутствия у тобольского губернатора соответствующих возможностей, не отказывать ему в предоставлении конвоя во избежание «шалостей» со стороны пленников. Что касается поляков, присягнувших на подданство России и «основавших жительство свое в сибирских губерниях», то, по мнению Вязмитинова, их не следовало высылать на родину, а нужно оставить «на основании общих по сему предмету постановлений», лишь уведомив обо всех таких случаях Министерство полиции⁸³. О содержании этого отношения 2 августа 1814 г. Вязмитинов сообщил Горчакову⁸⁴.

Если дело о волнениях в Тобольске в связи с отправкой пленных на родину было закрыто, то расследование событий в Томске продолжалось. Причиной тому были как гораздо более серьезный состав преступления, вменявшегося виновным, так и участие в заговоре собственно российских подданных. Еще 12 июля Вязмитинов представил в Комитет министров копию манифеста, составленного Вонсовичем от имени Наполеона Бонапарта и найденного в ходе следствия. Наконец 28 ноября на своем заседании Комитет министров вновь рассматривал записку Вязмитинова по делу о томском заговоре. К этому времени следствие закончилось, и Пестель доставил его материалы в подлиннике главнокомандующему в Петербурге. Оно подтвердило, что еще до прибытия в Томск поляки «имели уговор противиться внушениям российской стороны на принятие службы и присяги, а потому

большая часть из них питала дух противоборства и неблагомыслия». Впрочем, главным виновником, склонявшим поляков к бунту, был признан Вонсович, который был «убежден к сознанию» «способами, губернатором употребленными» (что это были за способы - доподлинно неизвестно, но позднее Вонсович от своих показаний пытался отказаться, ссылаясь на то, что дал их под пытками⁸⁵). Представляя дело, Пестель поставил вопрос: передать ли решение о наказании центральным властям или дать ему «обыкновенное течение судебным порядком». Комитет министров постановил производить суд на уровне губернии и, не приводя «решительного приговора в исполнение, представить на дальнейшее рассмотрение в Правительствующий Сенат». Примечательно, что пленные поляки Комитет не интересовали - о них в решении отдельно ничего не сказано. Впрочем, этот вопрос уже не был столь актуальным: большая их часть была отправлена в Тюмень еще в июле 1814 г.⁸⁶

Дело о томском заговоре тянулось несколько лет и было рассмотрено Сенатом лишь в 1817 г. Всего к суду было привлечено около 40 человек. М. Вонсович был приговорен к 136 ударам плетью и ссылке в Нерчинск на каторгу. Четверых ссыльных и одного «иностранца» также приговорили к каторжным работам. Семеро ссыльных были отправлены на поселение в отдаленные места Иркутской и Томской губерний, а девять человек лишь оставили под наблюдением полиции. Один человек был выслан из Томска, а П. Костовский вовсе не подвергся наказанию. Военнопленных В. Барановского, П. Зеленского, И. Коноповича, А. Пионтковского и В. Щепановского оставили под подозрением и как людей неблагонадежных сослали в отдаленные места Иркутской губернии. Вина этих лиц казалась в глазах правительства столь велика, что в их отношении был нарушен принцип полной репатриации, которого придерживалось правительство. Прочим пленным (Н. Барановскому, В. Срединскому, Л. Мальшко, М. Ольшевскому и И. Вольчуку) было позволено вернуться «в свои дома». Еще пятеро пленных за недостатком улик были оправданы. Окончательный приговор был утвержден императором 16 ноября 1817 г.⁸⁷

Проблемы с польскими пленными в Сибири были обусловлены не только тем, что в общем контексте русско-польских отношений они представляли собой «горючий материал». Во многом источником этих проблем были несогласованные действия военных и гражданских властей Сибири, находившихся в состоянии административной войны. Обращает на себя внимание позиция в отношении поляков Глазенапа, в зависимости от хода конфликта с гражданским начальством то оправдывавшего поляков, то утверждавшего, будто ему издавна известен их буйный нрав. О качестве работы гражданской администрации свидетельствует и канцелярская ошибка, допущенная при передаче содержания циркулярного предписания Вязмитинова тобольским губернатором ишимскому земскому суду. Именно она и спровоцировала волнения пленных в Ишиме.

Обострение ситуации в Тобольске прямо связаны с непоследовательными действиями властей по освобождению пленных: офицерам, согласно циркуляру от 6 апреля 1814 г., было позволено вернуться на родину, в то время как нижние чины, зачисленные в российские войска, оставались в плену, несмотря на заключенный мир. Заговор в Томске, расположенном еще дальше от Петербурга, чем Тобольск, мог быть связан также с дошедшими до Сибири слухами о заключении мира или, по крайней мере, о близком поражении Франции. Если бы февральское распоряжение императора об освобождении всех поляков было выполнено оперативно, и Комитет министров не вступил на путь затягивания решения этого вопроса, проблем с поляками в Томске и Тобольске удалось бы избежать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воробьев Г.А. Француз-конфедерат в Сибири // Ист. вестн. 1898. №8. С. 547, 549

² Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 г: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2006; Бессонов В.А., Миловидов Б.П. Военнопленные поляки в России, 1812-1814. // Отечественная война 1812 г: Источники. Памятники. Проблемы / Тр. Государственного Исторического музея. М., 2008. Вып. VII.

³ Все даты приводятся по старому стилю. Для документов, датированных по новому стилю, дата указывается в скобках.

⁴ Материалы по Отечественной войне: Подробный журнал исходящих бумаг Собств. канцелярии Главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала Кутузова-Смоленского в 1812 г. М., 1912. С. 359.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее -РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 4.

⁶ Государственный архив Калужской области (далее - ГАКО). Ф. 32. Оп. 20. Д. 22. Л. 613.

⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 21; Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф. 515. Оп. 29. Д. 1030. Л. 1; Опубликовано: Шведов С.В. Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 69-70.

⁸ Бумаги, относящиеся до войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1890. Ч. 5. С. 67-68.

⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 530. Л. 45; РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 176. Л. 33об.

¹⁰ Там же. Л. 74.

¹¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 23.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 27.

¹⁴ Там же. Л. 28-29; Д. 2658. Л. 47.

¹⁵ Ремнев А.В. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопр. истории. 1997. № 2. С. 144-146.

- ¹⁶РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2985. Л. 24об.
- ¹⁷Там же. Л. 2-5.
- ¹⁸Там же. Л. 1.
- ¹⁹Там же. Л. 6.
- ²⁰Там же. Л. 4.
- ²¹Там же. Л. 1.
- ²²Там же. Л. 4-7.
- ²³Там же. Л. 1-2.
- ²⁴Там же. Л. 3.
- ²⁵Там же. Л. 8-11.
- ²⁶Там же. Л. 11-13.
- ²⁷Там же. Л. 18-26.
- ²⁸Там же. Л. 16.
- ²⁹Там же. Л. 14-15.
- ³⁰Там же. Л. 27.
- ³¹Там же. Л. 29.
- ³²Там же. Л. 33-36.
- ³³Там же. Л. 37-39.
- ³⁴Там же. Л. 55-56.
- ³⁵Там же. Л. 59-69.
- ³⁶Там же. Л. 57-58.
- ³⁷Там же. Л. 72-73.
- ³⁸Там же. Л. 71.
- ³⁹Там же. Л. 74.
- ⁴⁰*К-шов К.* Томский заговор // Ист. вестн. 1912. № 8. С. 639.
- ⁴¹Там же. С. 638.
- ⁴²РГВИА. Ф. 1. Оп. 1 Д. 2985. Л. 66.
- ⁴³Там же. Л. 46-47.
- ⁴⁴Там же. Л. 48.
- ⁴⁵Там же. Л. 51-52.
- ⁴⁶РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 158.
- ⁴⁷Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 388-390.
- ⁴⁸Там же. Л. 391.
- ⁴⁹Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 158-159.
- ⁵⁰ПСЗ-І. Т. 32. №25575; Указ Правительствующему сенату № 4940 от 31 мая 1814 г. // Рос. нац. б-ка. Указы Правительствующего Сената за 1814 г. Л. 60; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2821. Л. 17.
- ⁵¹РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2821. Л. 17.
- ⁵²РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 60. Л. 596-597.
- ⁵³ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 925. Л. 301.
- ⁵⁴РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 60. Л. 683.
- ⁵⁵РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 5.
- ⁵⁶Там же. Л. 10.
- ⁵⁷Там же. Л. 13-18.
- ⁵⁸РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3167. Л. 25.
- ⁵⁹Там же. Л. 28.
- ⁶⁰Там же. Л. 1.
- ⁶¹Там же. Л. 9-10
- ⁶²*К-шов К.* Указ. соч. С. 631-632.
- ⁶³Там же. С. 622-644. Материалы следственного дела, на которых основана эта статья и поныне хранятся в фондах Сената в РГИА (Ф. 1345. Оп. 98. Д. 951).
- ⁶⁴РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3167. Л. 10.
- ⁶⁵Там же. Л. 3.
- ⁶⁶*К-шов К.* Указ. соч. С. 623.
- ⁶⁷РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3167. Л. 6-7.
- ⁶⁸Там же. Л. 7об.-8.
- ⁶⁹Там же. Л. 8-8об.
- ⁷⁰Там же. Л. 10-12.
- ⁷¹Там же. Л. 3-4.
- ⁷²Там же. Л. 1-2.
- ⁷³Там же. Л. 16-17.
- ⁷⁴Там же. Л. 13-15.
- ⁷⁵Там же. Л. 20.
- ⁷⁶Там же. Л. 21-23.
- ⁷⁷РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542 Л. 43.
- ⁷⁸РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 61. Л. 570 об.
- ⁷⁹РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 11-18.
- ⁸⁰РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3167. Л. 25-27.

⁸¹ Там же. Л. 32.

⁸² Там же. Л. 29-30.

⁸³ Там же. Л. 32.

⁸⁴ Там же. Л. 31.

⁸⁵ *К-шов К.* Указ. соч. С. 643.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 66. Л. 381-393.

⁸⁷ *К-шов К.* Указ. соч. 643-644.